

ДМИТРИЙ ХРУЛОВ

РОМАН КАРЦЕВ: «Нам давно не до шуток»

Константин Баканов

Известный сатирик Роман КАРЦЕВ сейчас репетирует в театре «Эрмитаж» новый спектакль по Даниилу Хармсу и готовится к своему бенефису в зале «Россия». Исполнителю самых удачных юмористических монологов советской эпохи сегодня непросто репетировать юмористический спектакль. Об этом и многом другом Роман Карцев рассказывает в интервью «Новым Известиям».

— Роман Андреевич, многие говорят, что сейчас время, когда стране не до шуток...

— Не до шуток у нас уже давно. И 20, и 30, и 40 лет назад было не до шуток. Люди иногда шутили и за это страдали. К сожалению, у нас сейчас нет гражданского общества, хотя, в общем-то, его и не было: в 68-м году всего семь человек вышли на Красную площадь, протестуя против ввода войск в Чехословакию. В любой стране после таких терактов, которые случились у нас сейчас, миллионы людей вышли бы на улицы. Вот это все действует на психику. По крайней мере на психику нашего поколения. А молодежь в первую очередь должна была выйти. Где эти «Идущие ...»? Правда, когда мы были мальчиками-девочками и на наших глазах вводили войска в Чехословакию, Венгрию, Афганистан, мы тоже как-то ветрено к этому относились... Я считаю, правильно сделали, что отменили День города и все увеселительные концерты. Конечно, люди к этому по-разному относятся. Одни говорят: наоборот, надо показать, что мы не боимся. А я считаю, что нужно не допускать таких событий, и тогда будет возможность шутить. Да и потом, честно говоря, я вообще никогда не шутил. Я занимаюсь театром. Мне нравится тянуть сюжетную линию через весь спектакль, играть разные роли. Если получается смешно, значит, я добился того, чего хотел.

Окончание на стр. 5

Новые известия - 2004 - 14 сентября - с. 15

«...НЕ ДО ШУТОК»

первые интервью 2004 — 14 сент. 2005

Окончание. Начало на стр. 1

— Что сейчас вас заботит в творческом смысле?

— Вместе с сыном делаю спектакль по Хармсу. Это своего рода самоубийство. При том уровне юмора, который сегодня демонстрирует телевидение, делать в нашей стране Хармса очень опасно. Там другой юмор, другая эстетика, но я хочу играть именно в театр, поэтому иду на риск. Уверен, есть публика, которая читает и увлекается, и не только Хармсом, но и Венедиксом, Заболоцким... Еще будет скоро юбилейный «отчетный концерт» вместе с Альтовым и Мишей Жванецким. Будем играть вещи 60, 70, 80, 90-х годов. Большой зал «Россия», а я не люблю большие залы. Я буду такой маленький стоять, а зал огромный. Его нужно будет держать, нести на себе. Есть такие залы, которые тебя несут, а есть такие, которые весь вечер тащишь ты.

— Наверное, тащить зал одному, без Виктора Ильченко вдвое тяжелее?

— Да. Устаешь. Особенно в моноспектаклях, которые я без Вити играю уже 12 лет. Это и «Моя Одесса», и «Зал ожидания». Там образы, характеры, сюжетные линии. Но что мне нравится, люди при этом не ржут, а именно смеются. Некоторые остроты из тех, что сейчас слышишь, я бы в жизни себе никогда не позволил. Впрочем, это их жанр. Пародии, переодевания, надевание чулок на лицо, надувание грудей, пошлые шутки. Все-таки мне повезло: от Райкина получил хорошую школу, семь или восемь лет имел возможность смотреть, как он играет.

— Вы обмолвились, что никогда не шутите. Но ведь люди воспринимают вас именно как специалиста по юмору...

— По юмору, но не по шуткам. Когда со сцены рассказывают анекдоты, я этого не перерабатываю. Не люблю слово «реприза». Мы воспитаны Райкиным, а он работал по всем правилам драматического театра. То есть каждый раз ставил нас перед вопросами: зачем ты выходишь на сцену, что ты хочешь сказать людям или по крайней мере себе. А сегодня все чаще люди выходят на сцену просто пошутить, просто посмеяться. В результате на эстрадных концертах вместо смеха стоит «ржач»... А мы играем образы, играем характеры, и если уж получается смешно — это результат настоящей работы. Но никогда не знаешь, что публика воспримет, а что нет. Я никогда не думал, что миниатюра «Раки» будет иметь такой успех и столько лет. И не только «Раки», но и «Ликероводочный завод»,

и «Наш человек на складе», и «Авас», и еще много миниатюр, которые мы делали, а потом публика уже сама их выбирала. Это театр малых форм. Нужна идея спектакля, 20–25 миниатюр. Иногда люди плачут, есть у меня такой монолог в новом спектакле Семена Альтова «Зал ожидания». Это спектакль с четырьмя сквозными действиями. Но эстрадный. Но спектакль. У Райкина тоже были монологи, где люди плакали, а потом жутко хохотали на фарсе. Я считаю, что теперь остался один. Сейчас этим жанром никто не занимается.

— И запрещать не нужно, если бы кому-то вдруг снова захотелось?

— Запрещали абсолютно все. Из 13 спектаклей, которые мы сделали с Витей Ильченко, сразу разрешили только один, первый, — «Как пройти на Дерибасовскую». Это было в 70-м году, в Одессе тогда была холера. По стране ходили слухи, что у нас в городе трупы валяются. Мы в это время сделали самый веселый спектакль. И в обком партии, который должен был его принимать, нам сказали: «Ребята, мы договорились, поезжайте срочно в Ростов, одесский юмор должен жить». Под дулами автоматов (Одесса серьезно охранялась из-за эпидемии) нас вывели на летное поле, и мы улетели в Ростов. На первом ростовском показе в зале было 30 человек: боялись, что мы из Одессы холеру привезли. На следующий день ростовчане плюнули на холеру, свободных мест не было, и на волне этого ростовского успеха мы получили всеобщую известность. Но уже следующий спектакль «Встретились — разбежались» в Одессе не приняли, «Кабаре шутиков» и «Искренне ваш» — не приняли, мой моноспектакль «Шут гороховый» тоже не приняли. Мы уехали в Москву, в Театр «Эрмитаж». Здесь сначала тоже не утвердили один спектакль, но потом разрешили играть просто потому, что театр государственный и деньги уже затрачены.

— И как же вы выходили из положения, когда кругом было сплошное «нет»?

— Нам говорили «нет» в Одессе — мы играли в Ленинграде, говорили «нет» в Ленинграде — ехали в Киев. В общем, мы знали, что так будет, что постоянно будут запрещать, но в результате постепенно сыграли все. Ничего не пропало. Когда мы приехали в Киев, нам сразу сказали: «Вас уже зарезали». Но все равно пришла комиссия в 20 человек, и мы ей сдавали «экзамен». Мы показывали «Авас», другие хитовые вещи, над которыми смеялись обычно все, а тут стояла гробовая тишина. В конце они сказали: «Нет, это не годится» — и сняли 18 спектаклей. Они ведь понимали, что ниче-

Роман КАРЦЕВ родился 20 мая 1939 года в Одессе. Работал наладчиком швейных машин на одесской фабрике «Авангард». В конце пятидесятых годов принимал участие в самодеятельности. В 1960 году, во время гастролей Ленинградского театра миниатюр в Одессе, Аркадий Райкин пригласил Карцева в свой театр. Там же сложилось творческое содружество Романа Карцева, Виктора Ильченко и Михаила Жванецкого (автора текстов). В 1970 году в Одессе Жванецкий, Карцев и Ильченко предприняли попытку создания собственного театра. Тогда же они приобрели всеобщую известность, хотя их программы регулярно запрещались партийным руководством. В 1978 году Роман Карцев и Виктор Ильченко переехали в Москву. Всего, по примерным подсчетам, Карцев и Ильченко они сыграли более 300 миниатюр и монологов. После смерти Виктора Ильченко в 1992 году дуэт прекратил свое существование. Роман Карцев сегодня играет в театре. Он снялся в таких картинах, как «Собачье сердце», «Закат» (по произведениям Исаака Бабеля), «Старые клячи», «Небеса обетованные». Роман Карцев — народный артист России.

го страшного в этих спектаклях нет, что нас уже все знают. Но Высоцкого тоже запрещали, хотя его кассеты были у всех, включая габистов, и он давал концерты в закрытых НИИ в Москве. Правда, наш спектакль «Птичий полет» хотели закрыть совсем. Это было уже накануне перестройки. К нам был специально приставлен человек из «Правды», чтобы заранее, не зная спектакля, написать что-то вроде: кому они здесь, в Москве, нужны, эти два одессита? Посмотрел, а потом пришел к нам за кулисы и сказал: «Очень хороший гражданский спектакль. Я буду писать о вас только хорошо». А дальше — перестройка, и уже никаких запретов. Теперь получается перегиб в другую сторону — матом или полуматом ругаются со сцены.

— Вы работали под руководством Райкина и Жванецкого. Оба мэтры разговорного жанра. Мы знаем их по работе на сцене, а каковы их методы работы за кулисами?

— Профессиональные. Их не интересовало, как ты себя чувствуешь, можешь — не можешь, хочешь — не хочешь. Театр Райкина хоть и назывался Государственным театром миниатюр, по сути был частным. Райкин сам решал все вопросы: назначал на роли, мог дать квартиру, дать звание, взять тебя за границу или не взять. Все зависело от того, как ты занят в спектакле, как играешь, как себя ведешь, не пахнет ли от тебя спиртным или чесноком. Один раз я наелся у мамы в Одессе котлет с чесноком, а потом играл у Райкина миниатюру. Так он меня выгнал со сцены. Говорит: «Ты же чеснок ел?! Ну иди докушай».

И то же самое Жванецкий. Он очень строго относился и к Вите Ильченко, и особенно ко мне, поскольку я склонен импровизировать. Это профессиональное отношение, которого у нас почти нет ни в искусстве, ни в спорте, ни в науке. Был же у нас прокурор Вышинский. Дилетант, человек, который говорил с чужих слов. В стране много непрофессионалов, и из-за этого страна страдает неимоверно. Конечно, не могут все быть Чаплиными или Райкиными, но стараться делать свое дело профессионально должен каждый. Единственное, что у нас умеют хорошо делать, — воровать. Как говорил тот же Жванецкий, что охраняешь, то и имеешь.

ДИМИТРИЙ ХРУЛОВ